

18+

Аркадий Макаров

Тогда

Из цикла «Черезполосица»

Аркадий Макаров
Тогда. Из цикла
«Черезполосица»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57394276

ISBN 9785005132673

Аннотация

Эти записки писались на основе жизненного опыта писателя, где смешное и грустное идет рядом и нет разделительной черты. Все рассказы описывают события недавнего и давно ушедшего времени, обнажая печаль и радость человеческого существования...Рассказ был ранее опубликован в сборнике «Летят утки...».

Содержание

ТОГДА

5

Конец ознакомительного фрагмента.

15

Тогда

Из цикла "Черезполосица"

Аркадий Макаров

© Аркадий Макаров, 2020

ISBN 978-5-0051-3267-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Т О Г Д А

...На мои и чужие следы
Опадают зелёные листья
Юрий Кузнецов

1

– Сутемень, а ты всё сидишь, глаза ломаешь. Читарь! Книгу-то закрой, посиди так вот. Скоро ужинать будем. Красавку подую, и молочко попьёшь. А-то вон, зеленый, какой!

Хорошо с Красавкой! Она у нас в семье, как родственница добрая. Вроде бабушки. Всегда с гостинцами. Молоко в кружке парное, белой пеной вскипает. Пахнет молоко материнскими руками, тёплыми, мягкими, всегда добрыми. А ещё пахнет молоко улицей нашей вечерней, когда стадо возвращается с пастбища, заполняя её, улицу эту, запахами трав, свежего навоза и деревенской пыли. Но летний вечер долог, ещё шмели путаются в мохнатых тяжёлых цветах, а за домами, с краешка, по горизонту, вроде кто крутобоких овец в отару сгоняет, разбрелись за день...

Но то – лето.

Хорошо было, сытно с коровой, пока не пришлось за долги по самообложению (вот ведь налоги какие были! Самообложение! Вроде сам на себе петлю затягиваешь.) Красавку

нашу в счёт госпоставок под нож свести.

Лето... Ах, лето! Давно это было. А теперь глубокая осень, каникулы кончились, на улице густые сумерки и небо тёмно- синее, холодное в предвестии первого снега. Мать, хрустящим пучком скомканной газеты, предварительно подышав в стеклянный пузырь керосиновой лампы, протёрла осевшую на его стенках копоть и вставила стекло в жестяной венчик. Пламя на фитиле сразу осело, уплотнилось, раздвинулось вширь, и в доме стало обыденно и скучно: всё те же выгоревшие от времени цветы на обоях, бледная немота ещё не протопленной печи, ушастая лохань для коровьего поила у дверей и лохматые тени, боязливо шныряющие по углам нашей просторной избы. Мир моего детства, суровый и неприглядный в своей реальности. Передо мной раскрытая книга. Закружился, заплутался я в строчках дивных и доселе неведомых, таких, от которых радостью и светлой грустью полниться моё мальчишеское сердце. Засмотрелся в окно, задумался...

А там, в окне, в сумерках поздней осени, мнится мне другой, чудесный мир. Он живёт рядом, такой близкий, на широкой сельской улице, под синеющим к ночным заморозкам, небом: « Дремлет взрытая дорога, ей сегодня примечталось, что совсем, совсем немного ждать зимы седой осталось»

Сердце заходится от неизъяснимого чувства рождённого этими строками; удивительными, необычайно чистыми, как вон тот, только что народившийся месяц. И опять: « Ах,

и сам я в чаще звонкой увидел вчера в тумане, рыжий месяц
жеребёнком запрягался в наши сани». И ещё... И ещё!

Неуловимая печаль, светлая, просиненная небом, разлитая в небольшой изношенной книжечке с жёлтой обложкой и встревоженной под неожиданным ветром берёзкой, которая, берёзка эта, вот утихнет ветер, выпрямиться, раскинет свои ветви, гостеприимно приглашая под свою сень косарей, или того пастуха, что ещё вчера лили слёзы, когда стелились ночные тени, тёплым котёнком шевельнётся в груди и замрёт в ожидании счастья.

С того предзимнего вечера, холодного и неприветливого, от этой маленькой книжечке на всю жизнь осталась сладкая мука невероятной, недостижимой рифмованной строки. Тогда в меня с хрупких от времени страниц изданных в тридцатые осторожные годы, пролилась поэзия русского образа, так заметно отличавшаяся от казённых, хрестоматийных стихотворений Суркова, Грибачёва, Джембул Джабаева и других Сулейсанов Стальских и Симоновых, и ещё, и ещё кого-то.

Всякие имена были в школьной программе, а Есенина не было. На его книжку стихов я наткнулся случайно, помогая библиотекарше, незабвенной Марье Дмитриевне, разбирать и обновлять фонд.

Те школьные стихотворения, заученные мною наизусть, не вызывали ни какого чувства, кроме радости полученной хорошей оценки в дневник. А в книжечке той жёлтой – всё другое! « Гой ты Русь моя родная! Хаты, в ризах образа.

Не видать конца и края, только синь сосёт глаза»...

Вот и сидел я в тот вечер, и сосали мои глаза: изрытая дорога, телега с поднятым вверх, как спаренный пулемёт зенитки, оглоблями, тонкий месяц в прозрачном воздухе, выгнутый в сверкающее кольцо, наши сельские избы, нахохленные, озябшие под соломенными крышами, почерневшими от бесконечных и нудных дождей, и – тишина, тишина, тишина...

Ничего, скоро белые лебеди сядут на луг, и камчатая, из вязаной шерсти накидка прикроет грудь задремавшей у дороги ели. Избы одернуться в белые заячьи тулупчики и будут попыхивать красными трубами в низкое снеговое небо. Скоро зима.

Далеко мне до юности. Ой, как далеко! Мне бы на красном коне проскакать по звонкому весеннему ледку, но это всё будет завтра, а пока – вечер, холодная синева в окне и узкий, осыпаящий золотой пылью глаза, новорождённый месяц.

Детство.

2

Тогда у нас на Тамбовщине выходили только две областные газеты: «Тамбовская Правда» и «Молодой Сталинец».

«Молодой Сталинец» – газета была, конечно же, комсомольская.

В те времена, всякие благие и другие начинания связывались с именем вождя. А как же! Он – отец счастливого детства, родной человек...

А детство действительно было счастливым: похлебал кулешу с подсолнечным маслом – и уже хорошо! Уже – жить можно! Правда, школьные уроки очень уж длинные. Были бы покороче, тогда бы ещё – ничего. А то к четвертому-пятому уроку утренний кулеш в ноздрях стоит – пшено разваристое, лучок до золотой зрелости поджаренный, маслице в кулеше славное, то же золотистое маслице. Духовитое... Скорее бы домой!

А дома опять – картошка в мундире рассыпчатая, смеётся радостно, в руках пляшет, – горячая, тыква пареная, капуста, квашенная с яблоками, конечно – и кулеш. Куда ж без него, без кулеша-то? Голодно будет.

Поел – вот и опять хорошо! Снова носом в книжку или в молодёжную газету. Свежий номер «Молодого Сталинца» почтальон всегда после обеда приносит. А там, в газете, почти в каждом номере, стихи складные – про нашу Победу, про счастливую колхозную жизнь, про целинный, благодатный хлеб. Первооткрыватели вот они – на страницах! И хлеб – вот он, опять кусок под рукой! Потрёшь корочку чесноком. Посыплешь крупчатой солью – хлеб свойский, не магазинный. Похрустывает на зубах, раскалывается крупка – хорошо!

Вот и в газете тоже стихи хорошие о большом урожае, таком большом и богатом, что зерно девать некуда. Может и правда? Только вот в руках у меня хлеб с толчёным картофелем. Врачи говорят – от сердечных болезней хорошо,

кальция много. У нас в Бондарях почти все пекут такой хлеб: очистки сначала сушат, потом, картофельные завёртыши толкут в ступе, мешают с ржаной мукой и выпекают караваи в больших, на пол-избы, русских печах. Хлеб хороший. Только горчит немного. А так – ничего, сытный.

И, правда, болезней сердечных в селе ни у кого нет. Ребята здоровые, гладкие, как голыши речные. Лет с шести-семи уже курить начинают. Махорка, табак этот лопушистый, за двором растёт. Свой, вольный.

Пшеничный хлеб у нас называют ситным. Но я ещё такого не разу не пробовал. На Пасху мать однажды пекла из пшеничной муки пышки... Но это что за еда?! Проглотишь в один момент, и опять есть хочется. А хлеб, который у меня в руке, увесистый, тяжёлый. Долго потом в животе полноту чувствуешь.

Читаешь свою молодёжную газету и радуешься, что вон как у нас в стране хорошо живут – и пионерские «зорьки» играют, и тимуровское движение во всех школах силу наращивает, отличники и хорошисты с отстающими занимаются, тянут за собой в светлое завтра, где коммунизм, где все отличниками будут, где хлеб ситный... Хорошо в стране нашей – светло, уютно. Лишь бы войны не было. Немецкого зверя раздавили, и американского гада раздавим. У нас сила есть.

В газете еще стихи про природу бывают, про деревню, про любовь. Но мне нравятся больше стихи о природе, о живот-

ных, о городах и заводах, а о любви совсем не нравятся

Тогда в газетах чаще всего попадались стихи именно такого плана, которые мне нравились, подписанные то ли фамилией, то ли псевдонимом – С. Милосердов.

Если фамилия, – то уж больно хорошая, заступническая. Я фамилию эту сразу запомнил.

В стихах этого С. Милосердова солнышко играет по-пасхальному, дождевики с травой перешёптываются, небесные тайны рассказывают, – что видели, что слышали, какая жизнь там за морями, за морями горькая под капиталистическими магнатами. Дождь из тучи сыплет, а тучи издалека, из-за кордона пришли.

Вот бы встретиться с этим поэтом, поговорить о стихах, о Есенине, почитать что-нибудь, что я сам сочинил...

Трудно писать стихи. Мучительно. Но сладко. Хотя получается ерунда какая-то, не стихотворение, а так, что-то вроде нескладухи: «луна, как призрак в небе бродит, и гонит ночь. А ночь пришла и не уходит прочь...» ну и так далее. А у Милосердова всё складно получается. Получается вот как!

Словно детская игрушка,

Белый парус вдалеке,

И серебряную стружку

Ветер гонит по реке.

.....

Горечь тонкая осины,

Сладость нежная цветка...

Хватит радости в России

Ни на день, а на века.

...Может эти, может какие другие стихи, прочитал я в то время, но какая-то свежесть от всех стихов подписанных «С..Милосердов», всегда присутствовала.

Трудно писать о своём селе, о бондарях, о природе местной. Бедная природа – бугор да яма, да речушка, несмотря на гордое название «Большой Ломовис», тихая, маленькая такая, что я её всю переныривал за один заход от берега до берега. А леса у нас нет, луга одни, да и то колхозные – объездчики туда не пускают...

О чём писать? Об этой кочковатой дороге за окном? Мёрзлая дорога, холодная. Неинтересно! Пойти бы куда-нибудь туда, где белые лебеди снегов скоро с неба спустятся, да в валенках ходить рано, а ботинок или резиновых сапог у меня нет. Правда, галоши вон в углу стоят рубчатые, они у нас «шахтёрками» называются, но они для школы. Оденешь – и бегом, чтобы ноги не успели застыть.

Однажды я попробовал написать стихотворение о своей жизни. Правдивое стихотворение. Вроде складно получилось. Читал матери, а она почему-то заплакала, и велела эти стихи никому не показывать. Говорит: «Беду в дом прине-сёшь. Не пиши больше. Не забивай голову. Не надо...»

А мне похвалиться хочется. Слова с языка так и просятся на волю. У Некрасова тоже похожие стихи есть, а мои – тоже ничего:

Кушай хлеб, Аркаша,
Молочка-то нет.
Где ж коровка наша?!
Взяли в сельсовет.

Вечерами длинными —
Холода и дрожь...
А её родимую
Увели под нож.

Ты её по имени
Больше не зови...
Молочко из вымени
Потечёт в крови.

Корову нашу, Красавку ненаглядную, действительно увели в счёт госпоставок мяса...

Потихоньку, чтобы никто не видел, показал учительнице русского языка. Пожилая учительница, она ещё в земской школе до нового времени уроки вела. Клавдией Петровой звали.

Схватилась Клавдия Петровна за голову:

– Ты что? Детям о таких вещах писать нельзя. Забудь эти строчки! И я их не слышала! Понял? Пиши о нашей пионерской дружине, о классе своём.

О пионерской дружине я никогда не писал и не пробовал. Потому что не был я пионером. Поведение не то. Но о классе

может, что и получится...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.